

Курмангалеева Ж.

*До чего доводят азартные
игры*

12+

Жанна Курмангалеева

До чего доводят азартные игры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57589448

SelfPub; 2022

Аннотация

Юный аристократ Фидель Меткалф совершил классическую ошибку – свернул с пути, вследствие чего оказался на китобойном судне. Благо, на борту у него нашелся благожелатель – второй помощник, "Леди", единственный человек, в чьих силах ему помочь.

Содержание

Глава I	4
Глава II	20
Глава III	33
Глава IV	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Жанна Курмангалеева

До чего доводят азартные игры

Глава I

Когда пришла пора выпорхнуть из гнезда, мои дорогие родители любезно выделили мне денег и отправили на учебу в столицу. Но так получилось, – я склонен винить в этом только случай, – что разразилась гроза, и мы принуждены были остановиться переждать непогоду в ближайшем портовом городке. Меня, сына порядочной и довольно обеспеченной семьи, поразил его вид. Верно, отныне мне не забыть раскрывшийся передо мной пейзаж! Впрочем, издали видны были лишь стройные мачты стоящих на якоре кораблей.

Мне изволили указать путь в мало мальски приличную гостиницу. При более близком рассмотрении порт оказался отнюдь не так романтичен. Казалось, блага цивилизации еще не добрались сюда. Одноэтажные дома, стоящие бок о бок и дружно покосившиеся все в одну сторону, были густо покрыты слоем сажи, соли и прочих продуктов деятельности человека и природы. Воздух насквозь провонял чем-то, подозрительно напоминающим на тухлую рыбу. И люди, толпы лю-

дей повсюду! Мясники остервенело стучали по доскам своими тесаками, кузнецы порывисто утирали пот со лба, изнемогая от жары. Торговки у прилавков втюхивали прохожим подиспорченные продукты, мимоходом умудряясь крикнуть что-то знакомой и жестоко обругать девушку помоложе. И, должен сказать, такой разношерстной компании мне до того момента не доводилось увидеть. Среди моих “соплеменников” на узкой улочке мелькали и краснокожие уроженцы западных островов, и темнокожие южане, еще не отказавшиеся от своей дикарской каннибальской религии. И сквозь это разнообразие мне пришлось протолкнуться, тщательно стараясь избегать контакта хоть с кем-нибудь из них в целях безопасности, прежде чем дойти до “мало мальски приличной гостиницы”.

Под этим определением скрывалась сомнительного вида двухэтажная постройка с вывеской “Знак у развилки”, однако ж, в отличие от прочих местных заведений, доски, из которых она была возведена, не показались мне прогнившими. Это был решающий для меня фактор за то, чтобы переступить порог.

Ищущий покоя для своих уставших ушей не нашел бы здесь своего спасения. Казалось, в зале собрались все, кто не поместился снаружи. За не самыми чистыми столами брутального вида люди периодически заходились в громогласном смехе, огромными глотками заливая в себя алкоголь; между ними грациозно проплывали дамы с неприлично глу-

бокими вырезами.

Заказав комнату у женщины за стойкой, я хотел выйти и ознакомиться с окрестностями, когда кто-то хлопнул меня по плечу. Обернувшись, я встретился взорами с немолодым человеком с густой с проседью бородой.

– Присядь, сынок. Сыграй, – добродушно пригласил он.

Я перевел взгляд на стол, усыпанный потрепанными игральными картами. Не знаю, что нашло на меня, быть может, мне не хотелось обижать этого доброго человека, но я сел рядом. В родном своем городе мне доводилось играть в карты, а потому ничего необычного для меня не было. Ход за ходом, и я победил. Не веря в свой успех, я согласился на реванш. Удача способствовала мне недолго – после отыгрываться пришлось уже мне. Партия за партией, выигрыш за проигрышем, кружка за кружкой... По окончанию грозы я не продолжил свой путь, а отложил на завтра. Деньги у меня были, я всегда смогу пуститься в дорогу. А пока, я посчитал, что имею право на немного разгульной жизни перед учебой. День за днем, неделя за неделей...

Однажды в трактир вошел невысокий смуглый мужчина, обычный моряк по виду. Он присел рядом с нашим столом, а вскоре присоединился к игре. Я, охваченный азартным пылом, не обратил на него пристального внимания и начал свой типичный “рабочий” день, пока средства позволяли. Тот человек был очень обходителен и приятен в общении, угощал нас за свой счет, неплохо играл. Точнее, нет. Неплохо – не то

слово. Все за столом, проиграв имеющиеся деньги, с ворчанием ушли. Когда же мы остались наедине, я повысил ставку и потерял все, что у меня было.

– Отыграетесь? – осведомился игрок, побрякивая выигранными монетами и спокойно глядя как я рву и мечу. – Выиграете сейчас – вернете все назад.

Благоразумие во мне приказывало остановиться, но я не слушал. Но тут появилась новая проблема – ведь все свои деньги я проиграл.

– Мне нечего поставить...

Мужчина печально вздохнул и задумался.

– А слушайте, давайте так. – Будто молнией пораженный, вдруг предложил он. – Нам на судне нужен работник. Поставьте себя, а я поставлю все, что есть со мной сейчас.

Нервная ухмылка тронула мои губы. Я? Матрос? Да ни за что! Я охотнее поверил бы что человек передо мной – дьявол во плоти, чем в то что я могу работать в море.

Конечно, я собирался решительно отказаться. Но тут вербовщик достал свой сегодняшний выигрыш и как бы невзначай начал его пересчитывать. У меня перехватило дыхание. Тысяч 16, не меньше! Я, к стыду своему вынужден признаться, успел немного опьянеть к этому моменту, а потому...

– Договорились!

Господи, что толкнуло меня на этот безрассудный поступок?!

Подписав протянутый контракт, я бросил все свои спо-

способности на то, чтобы выиграть. И, видит Бог, мне это почти удалось. Но, видимо, вербовщик и верно оказался дьяволом, ибо неожиданно победа выскользнула из моих рук. Осознав, что я проиграл и что поставил, я не смог пошевелиться.

Мой противник так же спокойно, как и прежде, встал из-за стола и выжидающе посмотрел на меня. Попытавшись поднять оброненную на стол челюсть, я робко пробормотал:

– Погодите... Позвольте...

– У вас есть здесь родственники?

– Нет, но... Прошу, я могу вернуть долг... Дайте мне лишь...

– Нам не деньги нужны, а люди. Вы подписали договор, поэтому даже не думайте о каких-то глупостях. Скажите хозяйке, что уезжаете, и поторопитесь.

Мне стало дурно. Что я, глупец, наделал?! Но делать мне ничего не оставалось, ведь все было четко по закону. Посетители и постояльцы вокруг не обращали внимания, либо же тихонько посмеивались. Видно, это была обычная практика здесь. Но мог ли я знать?

Мы покинули гостиницу и направились напрямиком в гавань. Мой спутник, не терпя никаких предложений или просьб, привел меня на трехмачтовый корабль, видимо, готовящийся отходить. Просто одетые люди шныряли между мачтами и прочими неизвестными мне сооружениями, карабкались по паутине веревок. Разглядев среди всей этой суе-ты кого-то одного, мой жандарм потянул меня к женщине,

стоящей у борта.

– Славный корабль и команда под стать. Ловчей, ребята! И старший неплох и капитан хорош... – напевала она, привязывая канат к железному кольцу.

– В последний момент отхватил паренька, леди, – отчитался вербовщик.

Обернувшись на нас, она придирчиво оглядела меня. Я не остался в долгу. Среднего роста, жилистая, со стянутыми в хвост на затылке черными волосами. Она показалась бы мне приятной наружности, если бы не темная повязка, закрывающая левый глаз.

Она одернула грубоватую рубаху и поинтересовалась:

– Еще поменьше никого не нашел, Дилан?

– Какой был, – с обидой в голосе ответил Дилан.

– Сам попросился?

– Нет, конечно. Будто найдешь сейчас добровольцев!..

Выиграл я его.

Девушка вздохнула но, взглянув на меня, рассмеялась.

– Не смотри так, парень, это только чтобы не приходилось привыкать к темноте. – Вымолвив это, девушка подняла черную ткань на лоб, под которой, к счастью, обнаружился здоровый глаз. – Добро пожаловать на “Людоеда”.

Пройдя мимо нас, она вернулась к работе. За ней, потеряв наконец ко мне интерес, меня покинул и вербовщик. Воспользовавшись этим, я, конечно же, сразу попытался сбежать, но вскоре мне пришлось убедиться, что сойти или

взойти на борт не так уж легко – у лестницы безмолвным стражем всегда кто-то пребывал. В такой нелепо смешной и в то же время печальной ситуации я оказался. Не ограниченный в движениях, под открытым небом, но лишенный воли уйти. Всем мешающий, но, очевидно, очень нужный, я решил обратиться за помощью к девушке, кажется, бывшей доброй ко мне.

Скоро я заметил ее, правда, сменившую наряд и избавившуюся от жуткой повязки. В этот раз на ней был узкий камзол, сапоги и именитая треугольная морская шляпа, из-под которой свободно ниспадали короткие волосы. Но это, несомненно, была она.

– Простите, можно мне...

– Потом! – грубо оборвала она, оттолкнув меня с пути.

Чем заслужил я ее немилость, подумал я. Проглотив, однако, обиду, я попытал судьбу еще.

– Где я могу найти капитана, сеньор? – обратился я к матросу, за глаза нагруженному коробками.

Он прошел мимо, даже не взглянув на меня. Но совсем без внимания команда корабля меня не оставила.

– Конечно, он не ответил – какой из него сеньор? – слышалось откуда-то, казалось, из воздуха.

Пока я растерянно оглядывался по сторонам, голос направил меня:

– Выше. Еще чу-уть-чуть. В точку! Вот и я.

На сетке канатов, тянувшихся к вершине мачты, сидел мо-

лодой долговязый и очень сутулый парень в таком же прозаическом одеянии, что и прочие.

– Зачем тебе мог понадобиться капитан, зеленыш?

– Произошла ошибка, меня обманом завлекли на корабль.

– Да-а, худо.

Матрос, прищурившись, задумчиво поднял взгляд.

– Он у себя в каюте. – Он махнул рукой в сторону построй-ки на корме. – Но вряд ли он будет тебе рад. Лучше обратись к помощникам.

Прежде чем я успел спросить у него, как же их зовут, раздалась команда, адресованная ему и призывающая его “перестать точить лясы и раздернуть чертов шкот”. Мой благодетель поспешил послушаться, а я, услышав столь решительное командование, направился в сторону, откуда оно распространялось.

На носу корабля тоже активно велись работы. Несколько господ что-то делали на перекаладинах в нескольких футах над полом. Пара матросов сидели у самого края, и один моряк аккуратно пробирался вперед по узкому горизонтальному дереву, будто мятежник, подверженный старинной казни.

– Есть среди вас помощник капитана? – громко осведомился я.

Морские волки с удивлением посмотрели на меня (тот, что завис над морем, чуть не канул в пучину от неожиданности) и как по команде взглянули наверх. Проследив за их взорами, я увидел ту девушку, скользящую вниз по канату.

Когда она встала передо мной, я обратил внимание на то, что она вновь была в своем прежнем “облике”, будто пустынный мираж.

– Второй помощник, к вашим услугам. Чего хотел?

– Произошло огромное недоразумение. Я не моряк!

– Скоро им станешь, не переживай.

– Я даже в море никогда не выходил! – восклицал я.

– До сегодняшнего дня.

– Я могу заплатить. Столько, сколько потребуется. Мне лишь надо будет написать одно письмо.

– Теперь капитан будет платить тебе, а не ты капитану.

– Прошу вас! – умолял я.

Она устало провела ладонью по лбу и скрестила руки на груди.

– Сейчас решим со старпомом, что с тобой делать. Доволен?

Я согласился и она ушла, не оставив мне ничего, кроме ожидания. Если капитан согласится принять деньги, придется отписаться родителям, и как объясню я им случившееся? Впрочем, для начала нужно было дожждаться ответа. Придя к такому выводу, я позволил себе расслабиться. Я в море! Меня обманом завлекли сюда, прочь от дома, прочь от суши. И виноват во всем был я, я один. Мое легкомыслие, моя неосторожность. Господи, зачем остался я в этом проклятом городе?!

Взяв себя в руки, я приободрился. В конце концов, кто

возьмет меня, в жизни не занимавшегося физическим трудом, на судно? Зато когда еще доведется такая возможность поразмышлять, как не сейчас, ощущая нежный бриз на коже?

Но пуститься в философские размышления мне не удалось. Очень скоро меня со всеми последствиями укачало. Понятно, что в таком постыдном положении ни о каких возвышенных мыслях и речи не шло. И эти глупцы собираются посадить меня на корабль матросом!

Когда мне стало немного легче, я затуманенным взором зацепился за фигуру второго помощника, вновь в ином платье, чем до этого. Что за загадка! Какой-то трюк это, или я сплю, или просто не могу отличить двух женщин друг от друга? Но нет, это точно был тот же самый человек. Так что же это? Отбросив пустые думы, я решил подождать возвращения “другого” помощника.

Вскоре в рабочей суете показалась и она. Поборов недомогание, я шатающейся походкой направился к ней. Перехватив наконец помощника, я нетерпеливо поинтересовался, что там насчет моего возвращения.

– Старпом сказал, что без толку это – кэп не согласится, – опустив голову, пробормотала она.

– И что теперь? Неужели вы ничем мне не поможете? – в отчаянии даже забыв свою морскую болезнь, вскричал я.

– Пойду к капитану сама, что ж делать, – с явной неохотой ответил помощник.

Нахмурившись, она поинтересовалась:

– Тебе плохо?

Вспомнив при этих словах что меня, между прочим, тошнит, я тотчас подавил позыв. Помощник протянул мне кусок веревки.

– Затяни на поясе, легче станет.

С этими словами она удалилась.

Легче не стало. Когда корабль вышел из гавани и ветер подхватил нас, освободившийся экипаж начал собираться вокруг меня. Кто-то смеялся, кто-то отнесся с искренним сочувствием.

– Помощник... капитан... – несвязно бормотал я в полусознательном состоянии.

– Что это он, молится, что ли? – переспросил пожилой матрос с глубокими бороздами на руках.

– Кажется, просит помощника.

– Которого? – начали тормошить меня. – У нас их три.

– Ага, близнецы Регресар и Дилан.

Близнецы! Как же это я раньше не понял? Вот в чем заключалась вся “загадка”.

Я выставил два пальца, пытаюсь дать понять, что мне нужен второй помощник.

– Обоих надо? Ишь, деловой какой!

– Да нет, балабон! Ему нужен второй помощник.

– Так вон она, выходит из капитанской каюты. Ух-ты, как дверь хлопнула!

Услышав эту желанную фразу, я, собравшись с силой, вновь помчался наперерез единственному своему спасению, угрюмо удаляющемуся от каюты капитана и бормочущему что-то себе под нос. Увидев меня, она начала было говорить, но тут вдруг у меня подкосились ноги. Подхватив мое обмякшее тело, она усадила меня на дощатый пол.

– Что с тобой? Неужели так плохо? У тебя проблем со здоровьем нет?

– Уже легче, – соврал я, устыдившись. – Так что сказал капитан?

Помощник опустил голову. Ее лицо сохраняло бесстрастный вид, но я почувствовал потаенную злобу, впрочем, не смутившую меня.

– Он ждет, – сквозь зубы процедила она. – Но не обнадживайся сильно.

Не обратив внимания на вторую фразу, я вскочил и поспешил к каюте. Нерешительно постучав по крепкой дубовой двери, я услышал нетерпеливое:

– Войдите!

Повиновавшись, я оказался, вопреки ожиданиям, в небольшом и крайне скудно обставленном помещении. Узкая кровать, стол с креслом и стойка – вот и все, что там находилось. Поистине солдатские условия, не присущие, на мой взгляд, капитану корабля.

Сам капитан, сгорбившись, сидел за столом, загорелой крепкой рукой выводя что-то на карте. Я был удивлен. Ка-

питан тоже не совсем соответствовал моим ожиданиям. Никак не старше тридцати, он сидел с непокрытой головой и в простой рубашке. От матросов снаружи его отличали разве что стоптанные сапоги на ногах.

– Говори! – низким, звучным голосом потребовал он, не поднимая глаз.

– Прошу прощения, капитан... Я бы хотел поговорить о своем нахождении здесь... – робея, начал я, сраженный какой-то внутренней бешеной энергией человека передо мной.

Капитан вскинул голову и, нахмурившись, смерил меня взглядом серых необыкновенно живых глаз. Наконец он, уперевшись руками в стол, поднялся на ноги и произнес:

– Извините, я был занят прокладкой курса. Так что вы хотели мне сообщить?

Капитан прислонился к столу, скрестил руки на груди и выжидающе посмотрел на меня, давая мне возможность разглядеть его получше. Невысокий, поджарый брюнет. Никаких необычных примет у него не было, но само смешение вполне распространенных деталей его облика врезались в память. По его чисто выбритому лицу с тонко выдолбленными чертами и обветренной коже мне удалось угадать полные лишения испытания, выпавшие на долю этого человека.

– Я попал на борт против своей воли, капитан... – я запнулся.

– Капитан Филлипс. Ну так?..

– Капитан Филлипс, произошло недоразумение, я совсем

не гожусь в моряки!

– Та-ак, значит... – он задумчиво потер подбородок. – И чего же вы хотите, сеньор?..

– Меткалф. Я хочу сойти на берег.

– Во-от как! Вы умеете плавать? – неожиданно осведомился капитан.

– Что, простите?..

– Вы умеете плавать? – торопливо повторил он.

– Н-нет, не умею...

– Тогда вынужден вас огорчить – на берег вы не сойдете.

– Но почему?? – вскричал я.

– Сами посмотрите. – Капитан указал рукой на окно.

Я выглянул и чуть не ахнул. Берег постепенно удалялся, уменьшаясь в размерах. Нас уже отделяло не менее 500 ярдов. Я зашатался, вновь почувствовав приступ дурноты.

– Убедились?

– Но... разве нет возможности отправить шлюпку?..

– Боюсь, что нет. Все вельботы, кроме одного, за промысловой сезон разбились. А последний отдать в ваше распоряжение я, к сожалению, не могу. Мало ли всяких неожиданностей в море. – Капитан достал сигару и закурил.

– Неужели ничего нельзя сделать? – в отчаянии воскликнул я.

– Я надеялся, что, быть может, раз уж такое дело, вы доберетесь вплавь, но вы сами разрушили наши с вами надежды.

– Тогда, может, вы высадите меня на каком-нибудь остро-

ве?

– Если вам улыбаются перспектива стать отшельником, то пожалуй. Дело в том, понимаете ли, что мы будем делать стоянки лишь для пополнения припасов на диких и необжитых островах.

Мне почудилась какая-то насмешка в его словах и я вспыхнул.

– Вы смеетесь?!

Всякая усмешка исчезла с его лица и капитан посуровел.

– Бросьте жаловаться. Не всегда получается то, чего мы хотим. А теперь будьте добры, покиньте мою каюту.

Он учтиво, но с явным раздражением открыл мне дверь. Я кинулся прочь и бросился к деревянной перегородке, озираясь в поисках хоть какого-нибудь спасения. Повсюду вокруг, насколько хватало глаз, раскинулось бескрайнее, безбрежное море. И нигде не видно ни островка, ни камушка. Кажется, только тогда я начал понимать, в какую ситуацию попал. В этот раз моряки были нагружены не работой, а разговорами. На палубе воцарился умиротворяющий покой, волнующий лишь скрипом мачт да криками чаек.

От матросов я узнал, что судно, на которое я попал, занимается китовым промыслом. Во время стоянки на острове, на котором меня “подобрали”, с судна сбежал матрос, почему меня и выбрали так бездумно и спешно. К тому моменту, как я попал сюда, трюм был уже заполнен добычей, поэтому, мне, можно сказать, повезло. Все, что могло требоваться от

меня – это довести судно до острова Туг, на котором основалась компания, владеющая “Людоедом”. Повеселев, я начал интересоваться у своих новоиспеченных товарищей, сколько же дней пути до острова. Две недели? Быть может, месяц? В ответ на это они рассмеялись и спросили:

– Фидель, сколько, ты думаешь, длится китобойный рейс?

Когда я сконфуженно сказал, что не знаю, они изрекли страшную цифру:

– Полтора года в среднем.

– Но ведь мы уже возвращаемся, вы сами сказали...

– Ну да, тебе повезло. От полного срока тебе надо отсидеть только месяцев 5.

Вот так. На 5 месяцев против воли заперт в этой плавучей тюрьме. Однако выбора у меня не было, и я решил как следует изучить свое дело, и, в частности, нрав команды. Отчасти из-за этого, отчасти из-за грызущей меня тоски я и начал вести эти записи.

Глава II

Экипаж состоит из 33 человек: капитана, 3 помощников капитана, 3 гарпунеров, плотника, кузнеца, их помощников, кока, юнги и 20 матросов. Причем должен добавить, что в команде царило то же разнообразие цветов кожи и национальностей, как и в порту. Меня, как моряка с нулевым стажем, хотели записать в юнги, но настоящий юнга оказался слишком мал (всего лишь 15 лет) для матросской работы. Поэтому, официально называясь матросом, я, подобно юнге, стал выполнять лишь грязную работу: драил палубу, зашивал паруса и тировал снасти. И, надо признаться, я был этому рад. Снизу глядя как мои товарищи доверяют тонким снастям, именующимся “пертами”, мне совсем не хотелось разделить их судьбу, пусть они и не выказывали недовольства своей участью.

Всех троих помощников я, сам того не понимая, встретил в первый же день. Третий пом, Дилан, завербовал меня; второй в представлении не нуждался; старшего я по незнанию перепутал со вторым. И как я мог допустить такую ошибку? Ведь вряд ли найдется в мире два столь похожих и в то же время таких разных человека. Раньше я верил, что внешность безошибочно отражает характер. Но как же объяснить тогда одно лишь существование сестер Регресар?

Второго пома команда называет “Леди” – вероятно, в кон-

траст с названием судна, или в насмешку – ведь кем она точно не была, так это леди. Имя ее сестры же – Ирен, хотя никто ее так не величает. У кого повернется язык в лицо назвать по имени Старшего Помощника! Ирен владеет истинно свойственной лишь женщинам царственностью и величием. Вся преисполненная достоинства, она все-таки никогда не бывает излишне груба или высокомерна. О нет, ни капли заносчивости в ней нет, и она безусловно не испытывает отвращения к низшим чинам. Ирен ведома исключительно своим профессионализмом.

Леди же ни о чем таком и не помышляет. Она являет собой своеобразный мост между матросами и начальством. Имея достаточно высокий ранг, она тем не менее все свободное время проводит среди “простых смертных”, гогоча над их шутками и рассказывая бесчисленные истории. В общем, известная всем душа компании, что всегда в центре внимания.

Ирен таким не занимается. Даже старшим матросам едва удастся перекинуться с ней фразой-другой. Леди живет на судне, Ирен – работает, не больше.

В них обоих чувствуется физическая сила, но и она подчеркивает их разность: Леди порывиста и резка в движениях, в Ирен же эта сила спокойна и хладнокровна.

Пусть они и являются близнецами, – удивительное дело! – одна сестра неизменно кажется красивее. Они обе обладают одинаковыми крупными чертами лица и крепким, жилистым

сложением. Но, поставив их рядом, перепутать их невозможно. Ирен одевается небогато, но все еще красиво, подчеркивая свою фигуру; Леди носит то же, что и все остальные.

Но только я решил влюбиться в старпома, как оказалось, что она замужем. И более того – имеет ребенка. На баке ходит много слухов, и этому я решил найти надежное подтверждение.

– Ну, как замужем, – неуверенно протянула Леди и как всегда словоохотливо пояснила: – На алтарь, или куда там, они не ходили. Он к нам однажды нанялся, тут и познакомились. На суше отпраздновали и съехались. Ребеночка родили. Саффи – точь в точь своя мать! Потом Нок ушел в рейс, а вернулся, оболдуй, без ноги. Работать он, понятно, не смог больше. Пришлось Ирен взять все в свои руки. Он, правда, плотничать стал, так и кормит дочуру, пока нас нет. В общем-то поэтому она и Регресар – муж как бы есть, но не достаточно, чтобы взять его фамилию.

Забыл упомянуть единственного человека, который смеет называть старпома по имени.

Мне пришлось смириться со своей долей, равно как и с работой, ужасной едой, храпом по ночам и грубостью моряков.

Так проходит день за днем. Я постепенно изучаю строевые суда. “Людоед” – это барк 38 метров длиной и 6 шириной, построенный недавно по всем новейшим тенденциям. На двух передних мачтах он несет прямые паруса, на третьей

же только косые. Узкие обводы корпуса, массивный киль, не дающий переворачиваться, рыскать и вставать на якорь в мелководье. В целом о судне создавалось впечатление красивого своей строгостью, скорее практичного нежели комфортабельного знатока своего дела.

Как капитан Филлипс и сказал, два вельбота из трех на борту разбились. По словам матросов, это значит, что до возвращения домой никакой охоты нам не видать. Разумеется, меня это крайне радует.

Команде в общем нет до меня никакого дела. Не было, по крайней мере, пока на меня не обратил внимание Скотт, бровастый плотный матрос с севера. Увидев во мне жертву для травли, он стал задирать меня. То выдаст непристойную шутку про меня, то толкнет, то осмеет как-нибудь еще. Когда он толкнул меня за обедом, так, чтобы вылить на меня суп, мне надоело это терпеть.

Я спокойно помогал коку на кухне, когда зашел этот бычара и прижал меня.

– Слышь, ты! – проревел он в полудюйме от моего лица. – Как это называть?

Он ткнул мне листом в нос. На бумаге было написано “Я знаю твой секрет”, а на случай, если он не умеет читать, рядом карикатурно нарисован человек, стыдливо скрывающий что-то. А внизу первая буква моего имени, благо, буква эта встречается весьма редко.

– А как ты это понимаешь? – нахально спросил я, в душе

трясаясь от страха. Говоря честно, драчун из меня не очень.

– Ничего ты не знаешь! – Скотт замахнулся.

– Ты хочешь, чтобы я произнес это вслух? – поинтересовался я.

Покосившись на кока, он неохотно, но поспешно опустил руку.

– Расскажешь кому-нибудь, убью, понял?

– Понятнее некуда.

Скотт ушел, а я выдохнул. Больше он меня не тревожил. И я был несказанно этому рад, ведь никакой его секрет мне известен не был.

Матросы на поверку оказались весьма простым и в большинстве своем приятным людом, несмотря на фамильярность, с которой они обращаются ко мне. Пусть я упустил свой шанс на высшее образование, по сравнению с ними я – светоч знаний. Даже моих скромных познаний хватает, чтобы повергнуть их в шок. Правда, рассказывая им о том, что Земля представляет собой шар, я встретил упорное сопротивление.

– Где ты видишь, чтоб она закруглялась, парень? – насмешливо спросил гарпунер Вермут, высокий голубоглазый любитель покутить, пока остальные зашлись в хохоте.

Отмахнувшись от моих попыток объясниться, матросы перестали воспринимать меня всерьез.

Вот кого они слушают без намека на сомнения – так это нашу судовую Первую Леди. Второй пом обладает удиви-

тельной способностью работать, рассказывать, слушать и жестикулировать одновременно. Она немногим старше меня, но, если верить ее рассказам, успела объездить весь мир. Я начинаю замечать, что и мне уже становится тяжело удержаться от того чтобы не придвинуться поближе, различив ее низкий, бархатный голос.

– ... А как-то нас закинуло на Уна-Муе, – с блаженной улыбкой, помахивая фляжкой с грогом, продолжала Леди.

Крок, худощавый темнокожий парень, получивший при рождении имя Камиль, нежно обнимая ее одной рукой, присвистнул.

– Не свисти, ветер призовешь, – суеверно заметила она. – Ну так вот, мы у тамошних берегов крушение потерпели. Надо было добираться до ближайшей верфи, которая – опана! – на другом острове (их соединяет перешеек). Делать нечего – пришлось топтать по суше, насквозь. А там заросли такие, что... В общем, понятно. Продираемся мы, значит. Темень – ладонь свою впритык не увидишь. Ну а мы-то эти, как их... Носители света, нам не привычно. Остановились отдохнуть, сели, едим. И тут у того парниши, Зака, кажется, лицо ка-ак побелело, что палуба нашего “Людоеда” после масляного дела. Тычет куда-то в нашу с Ирен сторону, губами шевелит, а сказать ничего не может. Тут уж и мы услышали – шорох чего-то, знаете, как акуля кожа, по дереву. Обернулись, подскочили, и, прямо за нами – змея! Огромная, пятнистая, толстенная, собралась, как пружина. Думаю,

все, пора умирать. Зажмурилась, и просвистело что-то. Открываю глаза, а змее от Иренова ножа пришел конец. Ну вот, мы...

Люк кубрика внезапно открылся и в проеме показался сам старпом.

– Не желаете ли выпить, мэ? – икнув, предложила Леди.

– Я не пью.

– Да плавали, знаем, – буркнул второй пом, снова опрокидывая фляжку.

– Бочки дали течь.

Леди выругалась себе под нос и встала уже на трап, когда Ирен холодно задержала ее:

– Пусть они выйдут первыми.

Повиновавшись (то ли из сестринского уважения, то ли из служебного), Леди вжалась в стену и пропустила матросов вперед. Я выходил последним и мне удалось уловить, что Ирен хотела передать сестре наедине:

– Я звала – где тебя черти носят?

– Раз нашла, значит, знаешь.

Леди ускорила шаг, и, оставив старпома позади, пробежала мимо меня.

В очередной раз выкачивая воду из трюма, незанятые историей второго пома матросы заметили течь. Большая проблема, учитывая чего стоило содержимое этих бочек – а если точнее, ворвань, китовый жир.

Было необходимо выкатить все бочки. Тяжелая работа,

когда говоришь о размахах китобойного судна, да еще какого! Люки открыли и гарпунеров отправили разгружать трюм. Сначала все казалось сушей игрой для таких могучих людей, как наши метатели смертельной стали. Верхнюю палубу, затихшую под убранными парусами, постепенно стали заполнять абсолютно целые бочки. Скоро гарпунщики уже ползали по дну, и нам сверху были видны лишь их лоснящиеся от пота темные – у кого-то от загара, а у кого-то от природы – спины. Даже до меня, стоящего достаточно далеко, из трюма доносился затхлый жар.

Старпом оставался спокоен, со скрещенными руками стоя у вант. Леди также скрестила руки, но спокойствием она сейчас похвастать не могла. Находясь прямо за ее спиной, я наблюдал как она нервно качает ногой и иногда дергает губой. Леди, впрочем, никогда не отличалась неподвижностью и размеренностью движений. Сидя, она неосознанно трясла ногами; смеясь, с размаху ударяла по чему-нибудь, что оказывалось под рукой; а, держа публику в напряжении, имела привычку взмахивать руками, так что кто-то падал с насиженного места от неожиданности. Взор ее бегающих глаз редко останавливался на чем-нибудь дольше пары секунд. Но сейчас был не тот случай. Причину ее беспокойства я понял лишь когда она передвинула повязку с одного глаза на другой и устремилась в трюм.

– Пшел вон отсюда. Давай-давай, иди!

Вскоре на свет божий вылез Скотт. Врач не понадобился,

чтобы понять, что он совсем плох. Слишком уставший, чтобы удивляться, он направился в кубрик. Старпом ничего не сказал, даже не переменялся в лице.

Леди тем временем неустанно, как всегда, принялась за работу. Дела пошли заметно быстрее, и даже когда еще один гарпунер полумертвым вышел из трюма, это почти ни на чем не сказалось. Наконец Леди победоносно выкатила проклятую бочку на палубу, чуть ли не волоком вытащив Вермута.

Второй пом, точно ничего не было, пошел отмываться, по пути подцепив нескольких матросов.

– И за этот ад нам платят сущие гроши! – проворчал Алекс, маленький светловолосый матрос, чувствуя необходимость приобщиться к своеобразному подвигу второго по-ма. – Да, Леди?

Она вылила себе на руки ведро воды и негромко протянула:

– Да-а, грязная работенка...

– Мне казалось, она тебе нравится, – ухмыльнулся уже оправившийся Скотт.

– Ну, ты же из-за этого никому меньше нравиться не стал.

– Куда уж меньше, – подхватил Алекс и покатился со смеху.

Леди улыбнулась и, устало вздохнув, отвязала трос – ветер переменялся.

– Смотри вперед, смотри за корму, смотри за погодой с подветренной стороны! – с духом затянула она.

Она часто распевала песни, причем, кажется, никогда не повторялась. Не сказать чтобы у нее был прямо уж таки мелодичный голос, но зато он будто бы исходит из широкой ее души, взмывая к самым топам мачт.

Послышались тяжеловесные шаги. Дружно обернувшись, мы увидели капитана Филлипса, спустившегося со шканцев.

Леди, в отличие от остальных, не оглянулась на капитана.

– “О нет, мы не военные, мы пираты!” – безмятежно продолжала она, одергивая рукава.

– Интересная информация, Регресар, – заметил капитан.

Я впервые обратил внимание на то, что работы на судне напряженно приостановились.

– Это всего лишь песня, капитан, – невозмутимо ответила она, собираясь пройти мимо.

– А понимаешь ли ты, что за ответственность лежит за этими словами? – настаивал он, аккуратно загородив ей путь.

– Да, капитан. – Она вынужденно посмотрела ему в глаза и почти в тот же миг отвела взгляд. Выражение ее лица, кажется, ничуть не изменилось, но от меня не укрылось, как она мимолетно дернула челюстью.

Капитан, заметив ее прилипшую к груди рубаху, поинтересовался:

– Чем это ты занималась, позволь спросить?

– Облилась водой, капитан. Жарко стало, – не моргнув и глазом солгала она.

– Жарко? В этих широтах?

– У некоторых людей жар идет от сердца, капитан.

Матросы прыснули было со смеху, но, поймав на себе резкий взгляд капитана, замолкли. Столкнувшись со стеной невинной невозмутимости Леди, капитан Филлипс негромко произнес:

– Поостерегись проблем, Регресар.

– Есть, капитан.

Двинув плечом, Леди обогнула капитана и, приплясывая, удалилась на шкафут. Однако ее нынешняя беззаботность не обманула меня.

– И что такого произошло между вторым помощником и капитаном? – пробормотал я в пустоту, ни к кому конкретно не обращаясь. И оттого подпрыгнул от неожиданности, когда рядом раздался голос – о Боже мой! – старпома.

– Такое случается, когда рядом оказываются два слишком похожих человека: в первую очередь они бросаются друг на друга.

Я и не заметил, как Ирен оказалась рядом. Как же странно было слышать подобное заявление от человека, буквально являющегося ожившим отражением Леди! Да и потом, что может быть общего у великодушной, общительной Леди, и капитаном Филлипсом, вселяющим страх в команду?

Как я уже говорил, мне нечасто удается потолковать с Ирен Регресар, и поэтому я не упустил возможности узнать ее получше.

– А во вторую?

– Во вторую на самого близкого... – почти прошептала она и, вздрогнув, ушла, не проронив больше ни слова.

Ясно для меня стало только одно – на судне что-то происходит.

Разворошенный трюм повлек за собой полный беспорядок на палубе. Так как охоты уже не предвидится, матросы взялись за приборку палубы. Леди, конечно, не осталась в стороне, отбросив привилегии своего поста. С ее вновь затянутым песнопением работа пошла веселее и, оттирая доски от въевшегося жира, мне не хотелось думать о том, что творилось на палубе раньше.

Когда судно засияло чистотой, измученная и вымазанная непонятно в чем команда устроила помывку самих себя, воспользовавшись поднимающейся жарой. Леди, выйдя из своей каюты, тихо набрала воду в ведро и окатила им ничего не подозревающего Криса – того самого матроса, который ответил на мой вопрос в первый день. Леди с хохотом унесла ноги от опешившего парня. Алекс и Крок, включившись в игру, перехватили и повалили ее, Алан, коренастый полусумасшедший парень по прозвищу Лис, с восторженным визгом прилепился к ребятам, Крис налетел следом. Завязалась возня. В конце концов парни дружными усилиями выбросили второго пома за борт. Смеясь вместе со всеми, мне впервые за все это время удалось забыть о том, где я.

После всего этого дышать рядом с матросами стало

немного легче.

Глава III

Так как к Тугу мы идем, огибая мыс Виттори, погода становится все лучше. Из холодно-серого океан превращается в тропический, приобретая все более теплые оттенки. Свободное время я провожу, сидя у бушприта “Людоеда” и глядя в волны, разрезаемые форштевнем нашего судна. Перед нами иногда несутся стаи дельфинов, соревнуясь друг с другом и выпрыгивая из воды. Страх вывалиться больше не сковывает меня, мышцы мои окрепли, хотя великаном меня все же не назовешь. От природы достаточно бледный, я неравномерно загорел и мои русые волосы, выгорев, заметно посветтели. Пусть от дома меня все еще отделяет приличное расстояние, я представляю лица своих друзей, когда они узнают, что со мной приключилось. Все-таки полезно хоть раз пережить что-то подо...

– Мечтаешь, мечтатель?

Из-за внезапно опустившейся на меня ладони я стремительно пошатнулся в направлении воды. Схватившись за ворот моей робы, Леди резко дернула меня назад.

– Извини. Напугала?

– Ничего... м-мэм...

Расхохотавшись, она обхватила меня за плечи.

– Расслабься, Меткалф! Свои.

В этот момент по еле заметному движению судна я понял,

что мы поворачиваем.

– Что случилось? – встревожился я.

Леди всучила мне подзорную трубу.

– Гляди, что творится. Чуть не проморгали.

Только я поднес окуляр к глазу, как раздался грохот.

– Оххо-хо! Ничоси громыхнуло! – восхитилась Леди, поправляя съехавшую на глаза зюйдвестку. – Смотри быстрее, пока не закончилось!

Я послушался и моим глазам предстала картина сползающей с корабля дымовой завесы на расстоянии около кабельтова. То ли потрепанный вид, то ли что-то еще отличало судно от привычных мне военных кораблей.

– Чтоб нам провалиться на этом самом месте, если это не пираты, – со знанием дела произнесла Леди.

– Пираты?! – вскричал я, невольно покрываясь дрожью от мысли о кровожадных головорезах. Ведь кому не известны “подвиги” морских разбойников, кто не слышал кровавых историй о их похождениях?

– Они самые. Только вот нам не их надо опасаться.

– А кого?..

Она молча махнула головой вперед. Я проследовал за ее взглядом и вновь поднес стекло к глазу. В какой-то миг в моем поле зрения появились очертания следующего за предполагаемыми пиратами фрегата. В этот раз и мне была очевидна принадлежность корабля – над топом фок-мачты развевался красно-черный флаг нашего Отечества.

– Вы имели в виду их? Но почему?

– Во-первых, перестань “выкать”. Во-вторых, пиратам мы не к черту – что нас, ради китового жира грабить? А вот флотским наши ребята очень даже могут пригодиться.

– Зачем? – изумился я.

– Принудительная вербовка – слышал?

Прежде чем я ответил, военные дали новый залп. На носу фрегата распустился пороховой цветок и корма пиратов взорвалась щепками. Но в следующую секунду пираты стремительно повернули, белые полотна парусов заполоскались против ветра. Не ожидавшие поворота военные не успели уклониться от мощного бортового залпа.

От стоящего в воздухе грохота у меня заложило уши. Придя в себя, я наблюдал за тем как, подняв боковые паруса, пираты пустились в бегство. Поврежденный фрегат тяжеловесно повернул в погоню, хотя стало ясно, что им не угнаться за разбойниками.

– “Покоритель морей”, – прочитал я название на открывшейся нам корме фрегата.

Леди громко фыркнула.

– Глупое имя. Кто их придумывает?

– Почему глупое? Как по мне, вполне достойное столь героического корабля.

Краем глаза я заметил ее насмешливый взгляд.

– Потому что море нельзя покорить. Можно покорить человека, но не стихию. В любой момент нас, да и их тоже, мо-

жет накрыть волной-убийцей или шквалом. И что мы, “покорители морей”, сможем сделать?

– Но ведь имеется в виду именно открытие новых земель, новых проливов, – попытался объяснить я. – Если смотреть так, как ты, то разумеется нельзя. Ведь море неживое!

Не поддержав мой смех, Леди пожала плечами.

– Для тебя, может, и нет.

– Но ведь ученые выявили признаки живого: рост...

– Это то, что наука никогда не сможет ни доказать, ни опровергнуть, – отрезала она. – Потому что нам неважно, правда ли то, во что мы верим, или нет. Важно то, что мы в это верим, и нам это помогает, и все.

Я был поражен той убежденностью, с которой это говорилось. Неужели я напоролся на философские задатки, и где!..

– Во что ты веришь? – поинтересовался я, ожидая в столь неожиданном месте встретить язычницу.

– В жизнь, парень. В природу, – ответила она с ухмылкой и повернулась, чтобы уйти.

Размышляя об этом, я заметил еще одну деталь в ее речи.

– Постой! – воскликнул я.

– Стою. – Она шутя вытянулась по стойке смирно.

– Почему ты всегда пропускаешь “я”?

– Что? – расхохоталась она.

Не смущенный ее насмешкой, я переспросил:

– Ты всегда говоришь “мы”, но никогда только про себя.

Почему?

Леди пожала плечами.

– Не знаю, никогда не замечала. Может, просто ты не слышал?

– Может, – согласился я, про себя решив все-таки дождаться, когда она произнесет это слово.

Кивнув, Леди развернулась и, напевая и подскакивая, ушла.

Несмотря на очевидную роль заводилы, в кубрике разговор начинает не только Леди.

Вытянув на подвесной койке затекшие ноги, я случайно заметил изображение, которое Анару, красивый поджарый островитянин, достал из кармана. Это было лицо девушки.

Перехватив мой взгляд, Анару смущенно произнес с сильным акцентом:

– Моя невеста. Мы поженимся, когда я вернусь.

За деланной уверенностью в его голосе я услышал сомнение.

– Обязательно, – подбодрил я его.

Он дергано пожал плечами и спрятал портрет.

– А я один, – вздохнул Крок.

По кубрику прошел смешок.

– Неудивительно, если менять девиц так часто, – сказал Теноа, худой чернявый матрос.

– А у тебя самого-то кто-нибудь есть? – спросил, задорно прищурив глаза, Крис и тотчас получил тычок под ребра от смущенного друга.

– Девчонки! – фыркнул очнувшийся Скотт. – Да кому они нужны?

– А у меня все шикарно! – Алекс закинул руки за голову. – Моя София меня обожает. Вы тут, может, все и потонете, но я нюхом чую – мы с ней еще свидемся.

С верхней койки свесился вечно блаженный Вермут.

– Ага, конечно. Ждут они вас, да не дождутся.

– Почему это?! – возмутился Алекс.

– Разве не знаете нашего кэпа? Он если нас и выпустит живыми, то уж ограбит как пить дать.

– Гад ползучий! – прорычал Скотт.

– От гада слышу, – парировал Вермут.

– Да я не про тебя, дурак. Я про кэпа.

– Почему? – удивился я. Капитан был, возможно, не самым приятным человеком, но такой ненависти, как по мне, он не заслужил.

– Скажем так – у него есть дурацкая привычка придерживать у себя матросскую зарплату, – озлобленно прошипел Вермут.

– Вот-вот, – подтвердил Крис. – Кэп тот еще скупердяй.

– Ничего удивительного, когда заработал таким трудом, не хочется тратиться зря, – с усмешкой заключил Анару, необычно и красиво произнося слова.

– Каким трудом? – поинтересовался я.

– Кто его знает, – пожал плечами Крис. – Усердным, поди, но я думаю, что грязным.

– Но если вы знаете об этом, зачем пошли сюда работать?

Они не ответили, но от меня не укрылся мимолетный взгляд, который они бросили на Леди, впервые на моей памяти не участвующую в разговоре.

Лежа под самым подволоком, она, не глядя на нас, отозвалась:

– На таком судне, как “Людоед”, грех не прокатиться.

Замолчав ненадолго, Леди добавила:

– Спорим, сейчас сюда зайдет старпом?

Не дождавшись ответа, она подняла правую руку и начала загибать пальцы. Когда к ладони прижался мизинец, люк и вправду открылся, впустив поток света в кубрик.

– Второй помощник, наверх.

Леди с кряхтением спустилась на палубу и подошла к выходу.

– И завязывай уже со своими глупыми фокусами, – вполголоса попросила Ирен.

Ее сестра развела руками и в два прыжка поднялась на палубу.

После этого разговора я понял одну вещь – я абсолютно ничего не знаю о Леди, несмотря на избыток рассказов об их похождениях. Она всегда активно участвовала в болтовне, когда это не касалось жизни. А ее рассказы ни на йоту не приблизили ни к выяснению их происхождения, ни к ее семье.

Спросить у нее самой я не решился, поэтому пошел “в

обиходную”.

– А ты что, не знаешь? – удивился Крис.

Когда я ответил, что нет, он оживленно поведал:

– Так они ж аристократы. Думаешь, отчего ее кличут “леди”? Богатеи-авантюристы, которым наскучила жизнь в высоком обществе.

– Ты че, сдурел? – подключился к разговору Скотт и понизил голос: – Какие из них аристократы? С одной из них сбежал принц!

– Ну и где ж тогда он сам? – скептически спросил Крис.

– А, черт его знает. Сдох, может быть.

– Черта с два! – со знанием дела возразил Алекс. – Пахали бы они тут сейчас, если бы знались с самим принцем. Они – разбойники в завязке, точно тебе говорю.

– С чего ты взял? – прогудел Скотт.

– Да уж поумнее некоторых буду, – с улыбкой на все лицо, ответил Алекс.

– Че ты там пробалакал, гном? – подскочил дуболомный северянин.

– Бой, бой! – проскандировал Лис.

Я, не заставив себя ждать, мгновенно ретировался с поля боя, когда в кубрик по трапу скатилась Леди.

– Что за шум, а драки нету? Еда приехала, лоботрясы!

Вечно голодные матросы тут же отвлеклись и напрочь забыли о каких бы то ни было загадках происхождения.

Впоследствии я слышал достаточно теорий, но у меня по-

явилась возможность убедиться в их как минимум недостоверности. Случилось это в тот же день, когда мы встретились с почтовым судном.

Когда мы разошлись, Леди начала раздавать солидную стопку писем. Каждому что-то досталось, даже холостяк Крис получил свою долю и ушел с ней на бак. С пустыми руками остались только три человека: я (вполне ожидаемо, ведь никто из моих знакомых не знал, где я), Леди и капитан Филлипс.

Позже, где-то в 5 склянок вечерней вахты какой-то матрос поднял крик:

– Шквал надвигается! 4 румба по штирборту!

Весь экипаж тут же встрепенулся, как испуганная птица. Мне не понадобилось вспоминать, где есть 4 румба и где есть штирборт, так как все моментально обратили взгляды в нужную сторону, где на горизонте к нам медленно приближалась грозная туча.

– У вас есть 15 минут на приготовления, – спокойно произнесла незаметно появившаяся на юте Ирен.

– Крепите спасательные тросы, живо! – крикнула ее сестра со шкафута. – Задраить люки!

– Срубите нижние паруса и брамсея, пока можем! Грот-марсель на гитовы! – приказал капитан с ходу, выскочив из своей каюты.

Команды давались, разумеется, гораздо быстрее, чем выполнялись. Одни только спасательные тросы крепились все

время на приготовления, да кто-то еще успел задраить люки и срубить бизань с гротом и марсель. Чтобы забраться на брамса-рею, будучи прикрепленным тросом, понадобилось бы уйму времени. Успеть было просто невозможно. Все это понимали, поэтому каждый стал в первую очередь заботиться о себе. Потом с глухим свистом налетел ветер, полил мелкий, больно хлещущий по лицу дождь. От поддающих в борта волн “Людоеда” неистово качало, пенящиеся валы перекатывались через палубу. Стало тяжело дышать и стоять на ногах, благо, меня крепко привязали. Из-за неубранного фок-судно то и дело вставало на дыбы или зарывалось носом в воду. Надувающиеся брамсея гнули стены, грозя сломать. Экипаж с опаской поглядывал на возвышающиеся над ним мачты, в любую минуту ожидая их обрушения на палубу. Еле разлепив болящие от соли глаза, я увидел, что осталось только 2 неперестраховавшихся человека: сестры Регресар. Леди стояла подле меня, Ирен у бакборта разбухтовывала спасательный трос для себя. Я понял, чего ради они так рисковали – фок был убран.

Раздался очередной треск, кто-то вскрикнул, но мачты держались. Обернувшись на второго пома, я увидел, что ее тревожат брамсея. Пораздумав немного, все это время держась только одной рукой, она махнула сестре, так как кричать уже не имело смысла. Завладев вниманием Ирен, Леди начала что-то показывать совершенно невнятной жестикуляцией. Старпом, однако, все понял.

Ирен бросила Леди конец только что разбухтованного троса. Одновременно завязав на талиях беседочный узел, они вдруг прыгнули на фор-ванты. Я, широко раскрыв глаза, наблюдал за их передвижениями. Добравшись до брамса-рея, они совершили рокировку, в один моток обвязав связывающую их веревку вокруг бом-брам-стенги. Скоро фор-брамсель был подтянут к рее.

Близнецы слезли и, не отвязываясь, проделали все то же самое на грот-мачте. С тем лишь отличием, что, когда они взялись за горденя, новый порыв впился в судно, и Ирен сорвалась вниз.

Резко натянувшийся трос швырнул Леди на стенгу. Со своего места я увидел, как ее левую руку неестественно вывернуло. И также я увидел, как свободной рукой она медленно потянулась вниз. Мне было известно, что к ее ноге привязан нож. У меня перехватило дыхание.

С видимым трудом нагнувшись, Леди схватилась за перт. Двумя движениями обмотав натянутую до предела веревку вокруг своего плеча, чтобы уменьшить напряжение, она отползла от бом-брам-стенги. К этому моменту очнувшаяся Ирен ухватилась за трос и начала подтягиваться.

Видимо, чувствуя, что не удержит сестру, Леди решилась на радикальный шаг. Она скатилась с рей и повисла в воздухе. Ее весом Ирен быстро вытянуло назад. Когда это случилось, Леди развязала узел и ловко приземлилась на грота-марса-рею. Со своих мест близнецы без проблем верну-

лись на палубу.

Шквал продолжался около полутора часа. Когда все наконец утихло, уже опустилась ночь. Старший и второй помощники капитана распустили всех отдыхать, а сами остались на вахте. Я сам не преминул бы воспользоваться отдыхом, но товарищи попросили меня, по праву последне-вошедшего, сходить за маслом для фонаря. Когда я вышел на палубу, в полутьме я разглядел знакомую женскую фигуру, сидящую на русленях. Сильно сгорбившись, она поднесла что-то, кажется, бутылку, ко рту. Набрав воздуха сквозь стиснутые зубы, она слегка коснулась левого плеча и отдернула руку. К ней подошла другая, очень похожая.

– Больно? – спросила Ирен, не заметив меня.

– Вообще нет, – приглушенным голосом ответила Леди. Мне несложно было распознать, кто есть кто – у Ирен голос выше и чище, чем у сестры.

– Давай вправлю.

– Не надо.

– Да давай!

Завладев вывихнутым плечом сестры, Ирен ловко вставила его на место.

– Спасибо, – буркнула Леди, разрабатывая руку.

– Ты спасла меня сегодня.

– Пришлось.

– Ты помнишь наш язык?

– Вспоминается, когда тебе становится удобно глухеть.

– Слушай, – мято начала Ирен. – Я знаю, что мы не разговаривали какое-то время. Но...

– Пропусти вступление, пожалуйста. Что тебе нужно? Слушаю.

Ирен со вздохом опустилась рядом.

– Мне не с кем больше поговорить. – После недолгой паузы она добавила: – Нок написал.

– Угу. Что говорит?

– У них все хорошо. Но теперь я не могу перестать думать о Саффи, – упавшим голосом произнесла Ирен. Я впервые услышал, как у нее изменилась интонация.

– Вполне естественно, ты ее мать.

– Да, но... Что, если я для нее буду тем же, чем наша мать была для нас? – быстро, на одном дыхании, выпалила она.

Помолчав, Леди тихо сказала:

– Наша мать не всегда помнила, что у нее есть дети, не говоря уж о том, сколько их у нее. А Саффи никогда не голодает, не мерзнет и даже элементарно не ходит полуголая. Все потому, что ты тут надрываешь задницу ради нее. Вы совсем не одно и то же.

– Ты это понимаешь, но Саффи... Ведь она почти никогда не будет меня видеть. В письме Нок написал, что она уже перепутала нас с тобой в своих воспоминаниях...

– Ирен, у нас одна рожа на двоих. Раз даже мы друг друга перепутать умудрились, когда выпили, то чего стоит ждать от ребенка? Она вырастет и все поймет.

– Наверно, ты права. – Подумав, она прибавила: – И Нок все раздражительнее. Даже письменно он как будто пытается меня уколоть. Я уже сомневаюсь, люблю ли я этого человека...

– Но ведь это все еще он, верно? – немного устало заметила Леди. – Ты сама выбрала растить дочь с калекой. Хотя то, что твой залет произошел именно от него, тебе отнюдь не мешало...

– Не залет, а... незапланированная беременность, – поправила Ирен, и Леди расхохоталась.

– Ну да, ну да. А чтобы получилась Саффи вы, конечно, не...

– Хватит тебе! – Ирен незлобиво толкнула сестру и рассмеялась вместе с ней. – Спасибо. Мне полегчало.

– Ага.

Ирен встала и ушла на ют. Леди утомленно откинулась на ванты. Однако увидев, что она начала подозрительно озираться, я поспешно вернулся в кубрик.

Значит, вариант с аристократией отбрасывается.

Глава IV

Недавно я вылил ведро воды на просохшие доски палубного настила и, опустившись на колени, заметил стоящую рядом Леди. Она молчала, и я не посчитал нужным начать разговор. Насмотревшись на то, как я драю палубу, она спросила:

– Сколько ты уже у нас, парень?

– Полтора месяца.

Леди удовлетворительно промычала что-то и на минуту вновь замолкла. Я уже начал переживать – не узнала ли она, что я невольно подслушал их с сестрой разговор, когда она внезапно произнесла:

– Наверно, тебе уже пора приниматься за серьезную работу.

Я похолодел и предпринял попытку возразить, но она, не слушая, позвала:

– Пойдем, покажу тебе кое-что.

Ослушаться я не мог, поэтому покорно встал и последовал за ней.

Она ждала меня у русленей фок-мачты.

– Залазь. Залазь, не бойся – мы подстрахуем. Поднимешь фор-марсель и тут же вниз. Ну же!

Я неуверенно, оглядываясь на нее, взялся за выбленки.

– Руками за ванты, ногами на выбленки.

Дождавшись, пока я все-таки повисну над морской пучиной, как гигантский паук, она прыгнула на внутреннюю сторону сетки, прямо передо мной.

– Теперь лезь.

Поджидая меня иногда, она полезла наверх. Мне ничего не оставалось, кроме как карабкаться за ней.

Чем выше мы поднимались, тем сильнее чувствовалась качка. Мне повезло, что она решила провести свой урок в слабый ветер. Вот мы уже миновали марс, перешли на форстень-ванты. Матросы, работающие на фок-мачте, уже давно стояли на пертах. Я бы был не против начать с самого нижнего паруса, фока, но Леди решила не размениваться на такую мелочь. Я должен бы благодарить, что она не отправила меня сразу на б снизу парус на барке – на трюмсель.

Всем телом припав к марсе-рее, я дрожащими руками стал развязывать горденя. Мне это удалось, и гордиться собой мне не помешало даже воспоминание о недавнем подвиге близнецов.

После этого Леди, однако, не удовлетворилась. Через пару дней она, со свойственной ей дружелюбной ненавязчивостью, таки заставила меня покорить второй марсель. Спасовать было нельзя. Затем, конечно, последовал брамсель, за ним – бом-брамсель... Скажем, таких нервных двух недель мне еще не доводилось пережить. Я потерял сон, предвкушая свое “последнее испытание” (благо, работой меня не нагружали). Но оно все не наступало. И как раз в тот момент,

когда я расслабился, второй пом подошел ко мне со знакомым мне уже хитроватым выражением. Моя рука не касалась только трюмселя, и ей, всегда сопровождавшей меня, это было хорошо известно.

– Нет! – воспротивился я.

– Ты хочешь до окончания своих дней чистить картошку?

– Только до конца этого рейса.

– Отступишь в море – отступишь и на суше.

– Меня это не страшит.

– Ты уже был на бом-брамселе. Ведь было не страшно?

– Было!

Я вспомнил свой последний опыт и к горлу подкатила тошнота. Но Леди восприняла мой ответ немного по-другому и воскликнула:

– Ну вот видишь! Тебе осталось подняться еще на несколько футов, только и всего. Идем.

– Нет.

– Не пойдешь – пожалеешь.

– Обойдусь.

– Мы с ребятами будем рядом.

– Падать вы со мной не будете.

Она рассмеялась и, не церемонясь больше, потащила меня за собой. Я упирался как мог, но куда мне!

Благодаря ее тактике, марс я преодолел уже без проблем. Да и брамсель покорно сдался мне. Ванты становились все уже... Но застряв, как и в прошлый раз, на вершине фор-

бом-брам-стень-вантах (уф-ф), я бросил взгляд вниз. Почти 160 футов отделяло меня от прочной, надежной палубы!.. Представив, во что я превращусь, если сорвусь отсюда, я судорожно вцепился в пеньковые тросы и зажмурился. Может быть, это характеризует меня как труса, но мне было не до этого.

– Эй, ты чего там? – крикнула карабкающаяся снизу Леди.

– Н-не могу дальше...

Я ждал, что она начнет уговаривать меня, но по тому, что меня закачало чуть сильнее, я понял, что она перешла на обратную сторону вант. Даже не желая знать, чего ради она это сделала, я стал молиться, чтобы меня каким-нибудь чудом спустило отсюда. По моему телу прошла очередная дрожь, и я услышал отчетливое:

– Лезь, а то сброшу.

Мне ничего не оставалось, кроме как перебороть себя и, перехватываясь онемевшими пальцами, не глядя ползти вверх. Когда моя рука нащупала пустоту, я одновременно и с ужасом и счастьем понял, что нахожусь на самом верху “Людоеда”. Выше уже только чайки. Я открыл глаза.

Первым, что я увидел после своего морального перерождения, была Леди. Никого, кроме нас, здесь не было. Ухватившись за протянутую руку, я перешел на перты и вцепился в рею перед собой, кажущуюся чрезвычайно короткой в сравнении со своими нижними собратьями.

Подняв взгляд, я тут же забыл о пережитом ужасе. На

тысячи миль вокруг расстилалось бесконечное, безбрежное Море. Тихо колышущиеся волны, раскинувшийся от края до края небесный купол. Над невероятно далеким горизонтом нависли дымчатые облака, беспристрастные к человеческим страстям. Пенные барашки воды отражали готовящееся к заходу огромное солнце, ветер, набравший необычайную скорость и силу, гонял призрачные облака в лазурном небе. На такой высоте как нельзя отчетливо чувствовался солоноватый воздух. От раскинувшегося простора, от мощи бушующих стихий, захватывало дух. Словами не передать. Я, может, впервые в жизни, вдохнул полной грудью.

– Знаешь, – вдруг начала Леди, отойдя от топа фок-мачты, – кажется, никто не приближался к небу ближе нас.

Я с вновь замирающим сердцем смотрел, как она ходит туда-сюда по тонкой, качающейся балке без какой либо опоры.

– Может, залезешь? – пригласила она, перехватив мой взгляд.

Я отчаянно замотал головой.

– Нет, спасибо. Мне и отсюда все прекрасно видно.

Она запрокинула голову назад и звонко расхохоталась, обнажив все не самые белые зубы. Ветер развивал ее темные волосы, обдувал слишком широкую на поясе рубаху. Очертания ее были подернуты светом.

– Забрался аж до сюда, заберешься и чуть-чуть выше. Давай!

– Зачем так рисковать?! – вскричал я.

– Мы рискуем каждую секунду своего бытия, парень. Но если делаешь что-то постоянно, перестаешь об этом думать. Рискуешь ты только когда делаешь это впервые. – Подумав, она добавила: – Если бы не риск, нас бы тут не было.

– Надо обладать полным бесстрашием, чтобы делать это.

– О, нет. Все чего-нибудь страшатся. Для этого нужно только доверие. – В ответ на мой недоуменный взгляд она прибавила: – Доверие себе. А “Людоед” – это такой же живой организм, как мы с тобой. Просто надо знать, на что ты способен.

Приободренный ее словами, я поднялся на рею и прижался к топу фор-трюм-стеньги.

– А чтобы это узнать, однажды все-таки надо рискнуть.

Дальше случилось то, чего я совсем не ожидал. Леди с силой толкнула меня в грудь, и я полетел вниз. Собственный крик застыл у меня в ушах. Во время секундного зависания в воздухе мою спину сковал холод. Последним усилием я выкинул руки вперед и вцепился в перты. Сильный рывок – и я повис над бездной глубиной в 160 футов.

– Ты чуть не убила меня! – закричал я не своим голосом.

Вместо оправдания или завершения своего коварного плана Леди взяла в руки какую-то веревку и привычным движением начала выбирать. К своему удивлению, я, не прибегая к собственным силам, стал медленно подниматься вверх. Бросив мне трос, которым она меня вытянула, она сказала:

– Если бы хотела, сделала бы это без раскиданных по палубе мозгов.

Я проследил взглядом веревку, и увидел, что она крепко опутывает мою талию. Другой ее конец был закреплен под клотиком. Видимо, она привязала меня, когда я с закрытыми глазами застрял на вантах.

Пропустив все мои бормотания, Леди отвязала меня и стала спускаться. Я полез за ней на палубу, напоследок окинув взглядом безрассудный простор.

С этого дня я начал работать с парусами наравне со всеми матросами. Страх упасть постепенно исчезает.

Однажды, когда мы собирались встать на рейд чтобы за-пастьись пресной водой, спустился туман. Удивительное чувство – кожей ощущать влажный воздух, будто не пропускающий звук. Слышно было только скрип блоков, мачт и рей, словно дыхание “Людоеда”. Матросы ходили по палубе в бессознательном благоговении. Я, проникнувшись необычной атмосферой, расслабился, пока со шканцев не прозвучала команда:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.